

ГЕОРГИЙ ЕШИМОВ

ОТКРЫТЫЕ ПРОЛИВЫ

*Генеральному директору
ОАО «Сургутнефтегаз»
ВЛАДИМИРУ БОГДАНОВУ*

За спиной облака полувека –
«Богом данный» – качалки поют.
Популярнее нет человека
На весь округ и город Сургут.
Труб раскинутых вежи живые,
Отмечают удачи маршрут,
Будто храмы, встают буровые,
Дизеля их «осанну» ревут.
Володимир – владеете миром,
Да и орден Вам тоже под стать –
Первозванного – русским кумиром –
Вас отметила Родина-мать.
Для нее Ваших мыслей движенье,
Для нее добываете нефть,
Открываете месторожденья,
Укрепляя державную твердь.
И на зыбях песчаных, болотных
Поднимается верев Сургут,
Где проходчики недр природных
Под надежным началом живут.
И пичуги поют беззаботны
Под высоким крылом: «Жить, да жить!»
И раскрыты небесные своды,
Чтоб летать и творить, и любить!

1.84 (2.100 1.4)
E 56

Георгий
ЕШИМОВ

**ОТКРЫТЫЕ
ПРОЛИВЫ**

Стихи

9000030857

Москва
2001

514

г. Сургут	ЦФБ
МУК	отдел
ЦБС	краеведения

Георгий Ешимов. *Открытые проливы*. Стихи. М., «Московский Парнас», 2001, 64 с.

Обретение собственного почерка, узнаваемой в строках лексической походки, как и обретение читательской любви, доверия дается лирикам особенно трудно.

Но, кажется, подводные течения, рифы и мели, подстерегавшие Георгия Ешимова, тяготеющего во многих своих стихах к флотской теме, удачно обойдены. Значит, лощия достоверности, фактографичности, образности, как и в «геологических» циклах была проложена верно — и поэтический корвет Георгия Ешимова, преодолев очередной трудный фарватер, вырвался из проливов в открытое море.

Флаг и гюйс поднять! — непременно скомандовали бы мы, находясь на этом стремительном паруснике, приветствуя четвертый сборник, четвертый выход поэта к московскому читателю.

Агентство «Московский Парнас».

Из цикла «ПРОЛИВЫ»

ПРОЛИВЫ

Прощайте, шхеры серой Балтики,
Простор Атлантики, встречай!
Мы развязали свои «бантики»,
И ленты вьются по плечам.

А справа Швеция туманная,
А там — Норвегия вдали.
Волна свинцовая обманная
По скулам лупит корабли.

Эскадра движется российская,
Сигнальный светится наряд,
И мгла расходится росистая
Сквозь Каттегат на Скагеррак.

Меня изгибы каждой гавани
Влекут причалить, и — пешком...
Здесь мои прадеды проплавали,
Здесь крест андреевский знаком.

Пореже рында нам названивай,
Мигай на выступе — маяк!
Как я люблю эти названия:
И Каттегат и Скагеррак!

По ним из лужи из Маркизовой*
На океанский шли простор,
Влекумы ласковыми бризами,
«Аскольд», «Аврора», «Святогор».

Сиял двуглавною отмеченный
Орел, как рыцарь на пиру..
И я, с Прибалтикой обвенчанный,
Проливы в шаферы беру..

**Маркизова лужа — (морской жаргон) Финский залив.*

ПОХОД

Правит Британия в дальних морях,
Спи, королева!
Светится тропиков южных заря —
Юная дева.

Режут форштевни волну за волной
Страстью небыстрой,
Средьземноморье легло за кормой,
Здравствуй, Индийский..!

Сколько проливов уже позади,
Красное море...
Яркие блики на черной груди —
Африки зори.

Взгляд, увлекающий синим огнем,
Нежен и жаден,
Крупной жемчужиной светится в нем
Ласковый Аден.

Канули звезды в залив. Тишина...
Пой и блаженствуй...
На борт влюбленный плеснула волна:
«Баб-эль-Мандебский...»

СИНОПСКОЕ СРАЖЕНИЕ

«...Был Синоп, Трапезунд,
Только трапезой там и не пахло,
Но команда: “Во фрунт!”, —
И белы паруса и рубахи!

Хуже не было бухт,
И грозны крепостей батареи,
Курсом «строго на юг» —
Нет маневра в атаке смелее.

Пушки турок палят,
Мы свои паруса не свернули,
И жар-птицы летят —
Зажигалки такие — брандскугли.

Грянул залп: «Хорошо!» —
Мы в бою, как на царском параде:
Вот из строя ушел
Адмиральский турецкий корабль.

Вот на берег — другой
По-дельфиньи скакнул без оглядок.
Турки в море гурьбой,
Бой морской — он не каждому сладок.

Показали мы им,
Что храбры на морях и умелы!
Эй, папаша Селим*,
Открывай-ка свои Дарданеллы!..»

*паша Селим III — турецкий султан конца XVII века.

МИФОТВОРЧЕСТВО

Тугой на стенке лук не тронут,
Печальны слуги, и скулят собаки,
Ждала явившегося Пенелопа:
— Ну, где ты шлялся, милый Одиссей?

Мгновенно хитроумный царь Итаки,
Придумав про сирен и про Харибду,
Лишь умолчав о храбрых амазонках,
Ей стал свои легенды излагать.

— И чтоб к утру записано все было, —
Сказал он в назиданье Телемаху,
А Пенелопу — мужу надо верить —
В покои незакрытые увлек.

Но Телемах — нескромное создание —
Позвал певца незрячего Гомера,
И тот создал бессмертные поэмы
О том, как греки брали Илион.

Увы и ах, я так не хитроумен,
Но, Пенелопа, ты сама придумай
И расскажи попроще Телемаху,
Чем занят был в отсутствие отец.

Из цикла «РОДИНА»

МАРШРУТ

За бывшим Николаевским налево
Брусчаткой смят Васильевский простор,
Трамвайная спокойна королева,
Вагончик желтый мчит во весь опор.

Вот памятник Ивану Крузенштерну —
Задумчив, просто так не подходи,
Предмостье, как сражения арену,
Обзревает, руки на груди.

У парашюта ялы и баркасы
Тоскуют без отважных моряков,
А будущие адмиралы-асы
Штудируют названья маяков.

Вот барк четырехмачтовый, и ванты
От бриза прибалтийского гудят.
Укутавши бушлатами, курсанты
Целуют очарованных девчат.

На полубаке имя Крузенштерна —
Известность на моря и на века,
А паруса, раздутые манерно,
Белее, чем на небе облака.

А дальше аттик — ряд колонн научных —
Кадетский бывший — Горный институт...
Земные и морские неразлучны
Две ипостаси-рельсы — мой маршрут.

ИРТЫШ

Он мать мою привез
В буранный Павлодар
И ковшик, полный звезд,
Беременной подал:

«Иртышская вода,
И кто ее попьет,
Тот больше никуда
Отсюда не уйдет.»

А ночью тьма в огни
Надежд — НКВД,
Но выжили одни
На хлебе и воде,

Обойдены сумой —
Судьбою бедолаг..
Отец погиб зимой —
Безжалостен ГУЛag.

А мать все там живет,
Потомками дыша, —
Вспоила плоть ее
Вода из Иртыша.

Седой угрюмый Павлодар —
Обитель песенных поэтов
Качает быстрая вода
В лучах безоблачных рассвета.

Затон — «гусиный перелет».
Со шлепаньем о воду частым
Через Иртыш вразмах плывет
Подлеток беленький вихрастый.

Под берегом — доплыл — встает,
Блестящий, тонкий, остроносый,
А вдоль по речке — пароход —
И волны плещутся в откосы.

Мальчишка по тропинке вверх
Стрекнул босой — трусы трепещут.
До шанег — утренних утех
Сто метров — только пятки блещут.

А мать с улыбкой: «Погоди,
Минутку посиди, Павлуша...»
Сложила руки на груди —
Притворно горе — непослушен.

А он за шаньгу — и во двор
Под колокольный звон церковный.
Да и застыл там до сих пор,
Запыхавшийся, удивленный.

Чисты протоки Иртыша,
Сверкают парохода плицы,
Тоскует юная душа
Во мраке запертой светлицы.

БРАТЬЯ

В Ровно — средний,
Младший — в Павлодаре,
Старшему — приобские края —
Разметала удаль молодая,
Разлетелась дружная семья.

В майский праздник
Не грусти, тальянка,
И про одиночество не пой,
Собирала мать их — полтавчанка
На пирог на именинный свой.

Прилетали соколы напиться —
Веселились песнями уста...
Вдруг, откуда ни возьмись, границы,
Визы, разрешенья, паспорта...

Отменили чартерные рейсы,
На таможнях — «шмон» по два часа...
Не гудят заржавленные рельсы,
Не звенят внучаток голоса.

Не дожди, не грозовую тучу,
Не бутылку зелена вина,
Проклиная Ельцина и Кучму,
Плачет мать в Чернигове.
Одна.

1998 г.

ДОЖИНКИ

Вези, председатель, бочонок вина,
Закуску на чистой холстинке,
На поле отметит с тобою страна
Уборочной финиш — Дожинки.

Мы выпьем, споем, почитаем стихи,
Отпляшут задорно Павлинки,
И нам допоют на селе петухи
Пернатого счастья дожинки.

От прежних забот не ищите следа.
Отцы! До детей и до жинки!
Так было у дедов,
Так будет всегда:
Семейная радость — Дожинки.

И в Несвиже вновь песнярам подпоют
Сябры из далекой глубинки,
И я воспою белорусский уют
И осени свято* — Дожинки.

**свято* — (бел.) праздник.

ЖЕМАЙТЕНЕ

Капельки янтаря
С пеной морской рыбачка,
Золотом глаз сияя,
В тонкой руке поднесла.
Солнечными лучами
Вспыхнули слезы Юратэ —
Нежной влюбленной русалки —
Каменная смола.

Я на шею повесил
Камушки, словно бусы,
Оберегом Ярилы*,
Негасимым огнем...
И полюбил навеки
Землю славянских пруссов,
Их дочерей светлокосых
С колдовским янтарем.

“

**Ярило — языческий Бог Солнца славян.*

АРГАМАКИ

Люблю коней,
Высоких, тонконогих,
С их лебединой грацией шей,
Когда почуяв заверти дороги,
Они прядут воронками ушей.

И рябью страсть
 по холке пробегает,
И шелковистой гривы
 гнется вал,
И ряд резцов и десен обнажая,
Их ноздри раздуваются в овал.

Смеются, милые!
И так пахнуло степью,
Где травы вкось —
 росы ангажемент.
Где для души —
 полет, восторг и трепет,
А гул копыт — их аккомпанемент!

СПАСЕНИЕ АРГАМАКА

Будто молоты скопища струн,
Били гулко сердца у прохожих —
Вдоль по улице топал табун,
На толпу демонстрантов похожий.

Иноходью в дорожной пыли
Выбивая копытцами нотки,
Рядом с матками стройные шли
Стригунки, удалцы-полугодки.

Одиноко постреливал кнут —
Пастухи подгоняли отставших,
Лег у нашего дома маршрут,
Им последней дорогою ставший.

Одного хоть спасти, к табуну
Я рванулся. «Растопчут, побойся!» —
Вдоль спины меня кнут обтянул,
Будто огненной стружкой ожегший.

Я запомнил навеки тогда
То, что многим годами вливают:
Что по телу удар — не беда.
Та — намного больше бывает.

Ведь табун этот не на парад,
Не на каторгу в темную штольню —
Скорбных маток и их жеребят
Гнали конюхи на скотобойню.

Точно так, лет за семь до того
Пыль темнила мальчишечьи лица, —
Шли колонны сквозь наше село
На мерцающий свет Аушвица...

На колени пред конюхом став,
Я вонючий сапог полуобнял:
«Отпусти жеребенка, тохта*, —
На денек хоть один, на сегодня...».

Отодвинув брезгливо сапог,
Он с нагайкой ощерился сухо:
«Забирай недоноска, щенок,
И вдогон получи, побируха...»

Стригунка я за гриву сдержал,
А табун — проскакал, удалился,
Но все рвался и в небе дрожал
Крик отчаявшейся кобылицы.

*тохта — (каз.) подожди

АКМОЛИНСК

Вспомни конный отряд
И разездов круженье —
по холмам...

Белых мазанок ряд,
Крепостное служенье —
по домам...

Вспомни щебет листвы
Молодых и плодовых —
у плетня...

Комсомольцы пришли
На распаханый ворох —
целина...

Я туда не вернусь
Где дорога просела —
залегла...

Только белая грусть
Над могилою белой —
Акмола...

Пыль Востока бетон
И асфальт замедает —
 чья вина?
Русским городом он
Никогда уж не станет —
 Астана*...

**Акмолинск-Целиноград-Акмола-Астана (каз.- столица) — название бывшей русской крепости на границе России с Великой степью — Акмолинской.*

ЭКИБАСТУЗ*

Экибастуз — ты город-пролетарий,
Ну, как живешь? Признайся, не таись!
Ты помнишь, пятилетки пролетали?
Светлее становилась наша жизнь.

Потом — «бабах»! Пандоррина открыта
Шкатулка. Беды мчат — не продохнуть.
Экибастуз — две головы галита!
Не мы ведь выбирали этот путь.

Экибастуз — карьерный экскаватор,
Горчит степи звенящий поцелуй...
Для Павлодара ты роднее брата —
Огонь печей больных его раздуй...

Зашелести уверенно ковшами
И выдай гневный уголь «на гора»
На серый быт, изъеденный мышами,
На ложь султана, мишуру двора...

*Экибастуз — (каз.) две головы соли.

АКЫН

Опять в седле,
И ногу — под себя,
Домбру-девчонку яростно терзаю,
И, пальцами ей нервы теребя,
Ответный жар ее души внимаю.

Она дрожит,
И я кричу за ней:
«О, апырмай!*...»,
Нет слаще этой муки...
Зачем же столько неуютных дней
Мы провели, родимая, в разлуке?

А степь, как небо, так же широка,
И мы на ней — былинки и букашки,
И проплывают мимо облака —
Отары божьей белые барашки.

Мы суетимся: любим и поем,
Верны колодцу, песне и отчизне,
Расплескивая, жадно радость пьем,
Приумножая хаос этой жизни.

* *О, апырмай!* — (каз. идиом.) *Ой-е-ей!*

ПЕСНЬ ОТВЕРГНУТОГО КИПЧАКА

Айналайн!*
Белой вьюгой —
Поземкой кружусь...
У стогов,
У столбов пронесусь,
Простужусь
Я от холода взглядов твоих,
И ни проблеска теплого в них...

Айналайн!
Мне судьба
Не подарит другой —
Озорной и послушной,
И брови дугой,
И глаза, будто искры костра...
Как забыла меня, если было «вчера»? ...
А под пеплом таимый огонь
Оживет, лишь дохни
Или тронь...

Айналайн!
Полон пота и слез малахай...

* *Айналайн* — (каз.) любимая, дословно: *кружусь вокруг тебя*.

Ты с чужим, как со мною,
Прошу, не сгорай...
Прилети
Оживляющим ветром ко мне,
Обними и согрей
В уютной ночной тишине.
Закопая в глубоком овраге
Печаль...
Ты устала кружиться?
Мне жаль...

ПЛАЧ О БУДУЩЕМ

Ты зачем, малыш, на свет народился?
Пострадаешь за грехи своих предков:
На Отечественной будешь контужен
И бесславно пропадешь «за колючкой».

Где ни вправо не ступить, и ни влево,
Да охрана хуже дикого зверя.
Поначалу в лагерях Пенемюнде,
А потом уже в Сибири — Краслаги.

Между ними, за полгода свободы,
Ты жену себе найдешь — полтавчанку,
О, как нежно ты любить ее будешь
И венец оставишь ей — свой терновый.

С ним погибнет сын в бою под Кабулом,
И внучок сгорит на первой чеченской,
Его дочка-сирота заболает,
В детском возрасте схоронят певунью.

Горько ты всплакнешь с высот своих горних,
И слезинки на лету не просохнут..
Вырастай скорей, малыш кареглазый,
Вон твой крест, неси его на Голгофу!

БУДНИ

Балхаш — прохладная вода,
Песчаный зной — под юго-запад.
Влечет геологов сюда
Халькопирит — чесночный запах.

Мы бурим скважины-шурфы,
Гудят могучие моторы,
И шлама пестрые шарфы
Слагаются в цветные горы.

Но вот однажды замолчал
Насос — согнул крутые плечи.
В Балхаш цистерну зной загнал,
Вода движку залила свечи.

Кухарка не сдержала слез —
Отрядной трудно Мессалине,
Проштрафившийся водовоз
Отрадой знойной был пустыни.

Нетопленный остыл очаг,
И пересохли буровые,
О нецелованных очах
Вздохнули парни мировые.

Решая кадровый вопрос,
Ковбойские надев рубахи,
Бурильщики за сорок верст
Умчали к девкам в Чиганаке.

Я семиструнку из чехла
Извлек — любимую гитару,
А ты огонь в ночи зажгла.
Споем, любимая, на пару!

Ты подносишь кумыс
Виновато и смело
С удивленной улыбкой
В горящих очах.
И кесе*, и кумыс
Ослепительно белый
Прогоняют мою
Вековую печаль.

Эх, сестренка моя!
До чего ты красива:
Темно-синяя прядь
Будто отблеск огня...
И степных кобылиц
Непонятная сила
Поднимает уставшего
С полу меня...

*кесе — (каз.) чаша

Из цикла «НОЧНОЙ ПАРАД»

НАЧАЛО ВОЙНЫ

В июньский предвечерний тихий час
Припомни кадры — хроники подробно:
Летят бомбардировщики на нас,
Ораве черной хищников подобны.

Зеленые околыши — юнцы
В окопчике прильнули к пулемету —
Ценою своих жизней погранцы
Исполнили солдатскую работу.

Горят хлеба, в растоптанной жаре
В сердца вползают беженцев колонны,
А залпы недобитых батарей
Стальные возрождают батальоны.

Траншеи роют женщины, и рвы —
Земля встает защитой родимой...
И в бой идут и святы и правы
Бойцы и боги той непобедимой...

НОЧНОЙ ПАРАД

Волки испуганно лают,
Жмут по-собачьи хвосты:
Словно винтовки стреляют —
Щелкают сухо кусты.
В ночь на седьмое, под утро,
Кочеты громко вспоют,
Навьи отринувши путы,
Мертвые всюду встают.
Строятся молча в колонны,
К площади Красной идут,
Бархатом льются знамена,
Их означая маршрут.

Маршалы и генералы
В первых шагают рядах, —
Темно рубиново шпалы
В алых петлицах горят.
Френчи застегнуты ладно,
И не заметить нельзя:
Вырваны «с мясом» награды,
Выбиты напрочь глаза.
Шаг вразнобой некрасивый —
Им уже не воевать —
Темною подняты силой
Лишь до рассвета шагать.

Враг трудового народа,
Лагерный червь, не пыли!
Эх, якобинцы, Жиронды
Плаху себе обрели!
Каждый взрастил и коснулся
Древа страдания и зла —
Красный террор обернулся
Русской Голгофой — ГУЛаг.
Стон продолжается. Буря! —
Шорох убитых сердец,
А с мавзолея, прищурясь,
Машет усатый Отец.

ЕДИНСТВО

(Отрывок из поэмы «Потомки Гедимины»)

...Пять воевод полков лихих
И хана два татарские...—
Орда и русичи пришли
В сражении участвовать.

И крестоносцам в укорот
Возвысить власть законную
Ягайло двинул их вперед
В атаку легкоконную.

Мелькнули в небе тучи стрел,
И солнце вмиг затмилось,
Каленый дождь с небес летел,
Не ждите, кнехты, милости!

Но в поле через сажень — ров,
Канавы-контэскарпы.
От атакующих полков
Осталось меньше четверти.

Орда рассеялась в пыли,
И поскакала в стороны...
С холма тевтоны встречу пошли,
Как на добычу вороны.

Блестят наточены мечи,
Кресты чернеют плоские,
И смяты русские полки
И витязи литовские.

Поляки гнутся, но стоят,
Порубаны, постреляны,
А в центре строя — чехов ряд —
Славянского, знать, племени.

А хан татарский Багардин,
Доспехами сверкаючи,
Ударил силами орды
По флангу наступающих.

Арканами с небес мелькнув,
Ножами били конников,
На землю рыцарей стянув,
Ордынцы беспокойные.

И хан магистра зарубил
Ударом ловким сабельным,
Но сам недолго шлем носил
И рядом пал израненным.

Потом пять дней и пять ночей
Все жгли костры на поле том,
Славянскою, татарскою,
Немецкой кровью политом.

Собрали мертвых в один холм,
И было место всякому..
Кричали муллы, и баском
Солидно пели дьяконы.

И ксендзы, ласкою дыша,
Враспев рекли-молилися..
И наполнилась добром душа
Для радости и милости.

УТРО СТРЕЛЕЦКОЙ КАЗНИ

Утро выпало на диво,
Вывели стрельцов.
Царь — верхом, неторопливо,
Вперекос лицо.

Лишь усы кошачьи злобно
Пиками торчат,
А над местом нашим лобным —
Солнце, как свеча.

И дорожка наша тенью
Краткою легла,
И соборные смятенно
Бьют колокола.

А в оковах нас босыми
Да перед людьми...
Что ж ты делаешь, Россия,
С верными детьми?

Гнут реформы данью бесу —
Править хочет всяк,
По простому интересу
Не прожить никак.

Всласть не спеть, не поработать,
Вдоволь не вздохнуть...
И всколгоченной заботой
Давит крест на грудь.

МЕЛОДИЯ ШАРМАНКИ

Заполняли кнехты чужестранные
Все перелески у окрестных сел,
А то, что в центре, называлось Танненберг...
Ах, мой милый Августин, все пройдет, все...

Земля взметалась сапогами прусскими,
И Фридрих мнил, что фронт уже рассек,
Но был отброшен пушкарями русскими...
Ах, мой милый Августин, все пройдет, все...

Берлин, штыком российским озабоченный,
Свисал с него рожденственным гусем.
А мир казался прочным и законченным...
Ах, мой милый Августин, все пройдет, все...

Опять славяне — жертвы нападения,
А немцы, игнорируя костел,
Глядятся в полумесяц до затмения...
Ах, мой милый Августин, все пройдет, все...

1999 г.

ЮНКЕРА

Михайловское училище —
Безусые юнкера...
Казармы темно чистилище —
Октябрьская пора.

Но бунта черны гадания —
Грядущее вмиг отнял:
Из пушек палит по зданию
Взбешенная солдатня.

Укрытые подоконником,
Усатые щеря рты,
Штабс-капитан с подполковником
Предупреждают посты:

«Хочется выжить, пожалуйста, —
Белый флаг, и сдавайсь!
Только потом не жалуйтесь —
Красною будет власть.

Кровью дворянской умоетесь,
И не помогут вам
Ни Михайлово воинство,
И ни Всевышний сам.

Адская сила за пушками —
Ратники Сатаны...»
Тонет в пучине ужаса
Будущий цвет страны.

То ли еще молодечество —
В рост под огнем стоять? —
Веру, царя и Отечество
Их не учили менять!

ПОХОДНЫЙ БАРАБАН

Балтийские ветра
Задули свечи рано,
Обрушив на асфальт
Ширококлёший марш —
Под арку выходных,
Под рокот барабана
По Гаванской идёт
Гвардейский экипаж.

Походный барабан
Сердечный шаг ровняет,
И души их светлы,
И форменки чисты.
И над колонной Марс
Уверенный летает,
И чесменский орёл
Сияет с высоты.

Идут за рядом ряд,
Уверенны их лица,
И кровь под эту дробь
Вскипает, как вино.
И стелет барабан
Ковры Аустерлица,
И, параллельно им, —
Ковры Бородино.

А я гляжу вослед —
Иду в дыму сраженья
В отчаянном каре
На пушечный редут...
Уходит барабан,
Навеки неужели?
С фанфарами побед
Я новой встречи жду.

ДЕТСКИЕ САНОЧКИ

Детские саночки —
Скользкие планочки
Вихрем несутся с горы,
Детские саночки —
Пушки и таночки
Детской бесстрашной игры.

Детские саночки,
Ведро и ванночки —
Проруби жизненной тьмы,
Детские саночки,
Ёлочки, палочки
Страшной блокадной зимы.

Детские саночки,
Тело у мамочки
Твердое, будто бревно,
Детские саночки,
Выцвели рамочки
На Пискаревском давно.

Детские саночки,
Струны у арфочки
Плачем далёким звенят,
Детские саночки,
В детские шалости
Мчите, как прежде, меня.

КРЕМЛЕВСКИЙ ПРИЗРАК

За красной кремлевской стеною
Темнеют десятки окон.
В контрасте с поблекшей луною
Одно лишь. Там трудится Он.

Листает доклады-бумажки,
Считает сухую цифирь,
Там люди — простые букашки,
А он еще тот поводырь.

Там каждая цифра — зарубка,
А в памяти — сотни «рубак»,
А в левой — параличной — трубка,
А в правой — нормальной — табак.

Все просто: страна, обстановка,
Суконный наглаженный френч —
«Богатая» экипировка
Для старых натруженных плеч.

Чубук в упоительном раже
Сосут под усами уста...
Как жаль, но никто не расскажет,
О чем он сквозь зубы шептал.

А утром поспать — он совет —
Уйдет арестантом седым,
И ветер московский развевает
Табачный удушливый дым.

«Мочить» ли бандитов в болоте?» —
В сверкающий апартамент —
В извечной чекистской заботе —
Российский войдет президент.

ТАНЦЫ

Год остался до исхода века,
Впереди звенящий Первомай,
В горсаду открылась дискотека —
Синий карусельный каравай.

Раскрутилось небо увлеченно
Разноцветьем развеселых пар,
Запыхтел босой разгоряченный
Медный трехведерный самовар.

Заплясала польку вся округа,
Сотрясая сны и корабли.
Разбудили мертвые друг друга,
Меж деревьев тоже в пляс пошли.

Тополь полувековой увидел,
Заскрипел обиженно и смолк:
Па «венгерки» сбавил кавдивизии
Сто второй артиллерийский полк.

На петлицах золото фамилий,
На груди медали, ордена, —
На погосте этот сад разбили
В день, когда закончилась война.

МЕДВЕЖАТА

Ах, какими красивыми
Стыли они на плацу,
И чужими и сильными, —
Форма ребятам к лицу.

Откричали поротно
И маршем упругим ушли
За кавказский хребет —
Окоем православной земли.

Их московские дяди
Послали: «Давайте, скорей...»
Не отдали ни пяди
Ни земли и ни чести своей.

И не надо прощенья,
Патронов бы горстку всего,
И немного везенья,
Полчаса, ведь всего ничего.

Не вернулись обратно —
Блуждают в суровых горах,
Облаками надежды
Являясь родителям: «Ах!»

Злы обманы природные —
В морге мальчишки лежат, —
Узнавайте по родинкам,
Мамы, своих медвежат...

РАДУНИЦА

Предка-гвардейца семья не доплачется,
Память о прошлом жива:
Белые плиты темнеют на кладбище
Сен-Женевьев-де-Буа.

Горечь доходит до пенной истерики:
Что нам чужой Вашингтон?
Крытые звездами дети Америки,
Кладбище их — Арлингтон?

Наши герои, камнями укрытые,
В недрах Кавказа лежат,
И публикуются неименитые
Списки погибших солдат.

Матери больно, и горе не спрячется
В ивовый крест под горой...
Нет у России геройского кладбища,
Каждый живущий — герой!

ПУШКИН — В НАС!

Угловатый профиль,
Бакенбарды — листья
От дубов российских
Из дубрав густых...
Оживают сказки
Родниками истин,
Неумно сильных,
Чистых и простых.

Напевает котик
Песни Лукоморья,
И проносит деву
Глупый Черномор,
А Фарлафу, ясно,
По душе застолье,
И Ратмир влюбленный
На решенья скор.

Это было с нами:
Царедворцы лгали,
И цари чесали
Темя, как Салтан...
И опять простыми
Верными стихами,
Нашими устами
Дышит Александр!

ССЫЛКА НА ЮГ

А вот и Кишинев,
И сочные арбузы —
Преарестантский вид —
Рассыпаны горой,
И яблоки-шары
Влетают сами в лузы,
И сладок поцелуй
Вечернею порой.

Томаты велики
И сахарно-пунцовы,
А дыни, словно грудь,
Упруги и нежны,
И томные глаза
У Ольги Воронцовой
Сияют и зовут
К сокровищам «княжны».

Коляски мягок ход,
Звени, мой колокольчик,
Мелодией любви,
Воскресшею опять...
Мчит мыслей хоровод,
И даже сердце хочет
Игривым жеребцом
К любимой ускакать...

ДУЭЛЬ

Шумный бал, кавалергарды,
Шепот за спиной,
И заломленная карта
Юною женой...

Аксельбанты, эполеты,
Напряженье шей,
И тоскуют пистолеты
Жана Лефоше.

И барьеры — сабли встали
Между мной и им,
Очи пламень разметали —
Нам не жить двоим.

Неспроста воронья стая
Надо мной кружит,
Выстрела дымок растаял...
Ната, не тужи...

Плачем тонким близок, ласков
Звон гусарских шпор,
Тот, который на Сенатской
Слышен до сих пор...

Крылья вольные обретши,
Что не полетать?
Догонять друзей ушедших,
Сладко обнимать.

Заблестеть полоской света —
Вот простор душе...
В лед вмерзают пистолеты
Жана Лефоше.

ТАБОР

...Цыгане танцевали вразнобой,
Но энергично двигая плечами
И увлекая взгляды за собой.
Земфиры умозрительно скучали...

Не соблазняй, прекрасная Кармен,
Бедром высоким, талиєю тонкой,
Я не хочу сегодня перемен
В судьбе моей, и без нагрузки ломкой.

Плясунью придержи-ка, эй, цыган!
Мне некуда вести ее покуда...
Вот возвращусь богат из дальних стран,
И будет и карета, и посуда...

С отчаянной отвагою в душе,
Все трепетом ресниц обожествляя,
Она шепнула: «Может, в шалаше?»
Но я слукавил: «Скоро дождь, родная!»

Я шаги сапог тяжелых
Не сдержу. Как услышишь, лети
До калитки оструганной желтой,
Просветлевшею взаперти.

До бревенчатой, грех таящей,
С паклей между венцов, стены...
— Что, суровая свет-боярышня,
Твои губы сегодня бледны?

Засияют глаза под шапкой,
Разведу оба ставня платка,
И под жаркой моею лаской
Задрожит, оживая, щека.

И дыханьем девичьим неслышным
Отзовется высокая грудь:
«Ожиданием кровушка вышла,
Ты верни ее,
Не позабудь...»

ВОЛЕЙБОЛ

Ах, волейбольно изящные
Молнии женского тела
Бьют по мячу настоящему —
Желтая, черная, белая.

Белая — зимы поморские,
Черная — полночь восточная,
Желтая — лето московское,
Яркое, сильное, прочное.

Бум-м — атакующий вытасен,
Бац — приговор окончательный,
Шлеп — ну, милок, подыши еще,
На — получи на прощание...

Сжатый рядами-трибунами,
Тихо сижу, огорошенный,
Будто богинями юными
Мяч позабытый,
Заброшенный.

МУЗА

Памяти Анны Ахматовой

Профиль утонченной чужестранен —
Обнажилась в утренней тоске
Муза Амедео Модильяни —
Карандашный абрис на листке.

Что художник милой? Капитаны
Домогались нежности. В ответ
Муза Амедео Модильяни
Пыл желаний охлаждала — нет!

Уплывали кавалеры в сказки,
На Голгофу муж взошел — поэт.
Надоели приторные ласки —
Разметалось золото манжет.

Анна, Анна, в этом ли изъяне
Суть неискупленного греха?
Муза Амедео Модильяни —
Королева русского стиха!

РАЙСКИЕ КУЩИ

Все позабыто:
Первый поцелуй,
И первый плач,
И бирка из клеенки,
И мокнущие
В суматохе струй
Фланелевые тонкие пеленки.

Треть века пролетела,
Будто миг,
Стою с букетом,
Как тогда, растерян.
Я даже нынче
Не совсем постиг
Прошелестевших
Листиков потерю.

Живи в веках
И внуках, расцветай,
Молись за нас,
Грешащих и орущих!
Я славлю твой
Неугомонный рай,
Твоих объятий ласковые кущи!

ИВУШКА

Любе Миляевой

Ивушка плакучая,
А кругом — забор.
Что ж ты, невезучая,
Рвешься в синий бор?

Там темно, и плесенью
Пахнет бурелом,
И совсем невесело
За чужим углом.

Отвечала тонкая:
«Там, в лесном раю,
И легко и звонко я
Песенки пою.

Сладко в тихой реченьке
Листья полоскать,
Только о невстреченном
Горько вспоминать».

КОРМЩИК

Владимиру Мазину

Ну, что же ты бродишь,
 как сыч,
Неприкаянно милый,
О, ларьякский мальчишка
С глазами пронзающей силы?
Тыними окуляры,
На жизнь погляди беззащитно.
Вон, темнеет уже,
Да и Вах беспокоится.
 Видно:
Его волны влекут обласок,
Будто парень молодку.
Тыеще молодой,
Просмоли мою старую лодку.
И борта укрепи,
И кормой заверши созиданье.
Тыувидишь тогда:
Результат превзойдет ожиданье.

Ярился в камине огонь
Внезапно вернувшимся мужем.
Шепнула: «Не надо, не тронь...»,
Влетевшей повеявши стужей.

И съежилось пламя. Уйти?...
Но ты с виноватой улыбкой
Промолвила: «Милый, прости,
Не злись — это было ошибкой».

Внутри полыхнуло опять
И тягой двойной загудело.
Забилось, попробуй унять,
Горячее женское тело.

Промчались хмельные года,
Чадит мой камин
Иногда.

БУРОВАЯ

Суровая в ответственной работе,
Обходится без нежностей со мной,
Рыдают дизеля на тонкой ноте,
Пульсирует, как сердце, шар земной,

Шунтируемый трубами стальными.
А турбобуры рвут живую плоть,
И я — умелец между остальными,
Стремлюсь противоборство превозмочь.

А шар земной...
Он выживет ли вскоре?
Трудом сродни хирургу буровик.
Листы геологических историй
Я заполняю. Горек мой дневник.

И резюме, как приговор, жестоко,
На ротор ни слезинки не сроню,
И лишь ключи от дизельного блока
На память о любимой сохраняю.

ДВА АНГЕЛА

Из тех, что навстречу с угрозой бегут,
Десяток в овраги слетел —
Два ангела светлых меня берегут
Для будущих праведных дел.

И правый за тем, что случится, следит,
А левый отводит беду.
Никто моих ангелов не победит,
И я вместе с ними иду.

И левый, чуть что, сразу машет мечом:
«Эй, кто там? Не стой на пути!»
А правый мне длань возложил на плечо:
Туда, мол, сейчас не пройти!

Велениям следуя верной руки,
Кичиться ль пустой похвальбой?
Вы вняли?
Ну, мчите с дороги легки
И зря не рискуйте собой!

СОВПАДЕНИЕ

*«По суммам чисел фамилии,
имени и отчества — везде 11 — вы уникам.
Вам исключительно во всем
покровительствует Плутон...»*

Из астрологического прогноза...

Я по имени — Плутон,
И по отчеству — Плутон,
Малой огненной планете
Я сродни со всех сторон.

На работе я горю,
Щедро всем любовь дарю,
Даже скромную монашку
На грешок уговорю.

И с женою счастлив я,
Но, признаюсь вам, друзья,
Тридцать три прекрасных года
Длится каторга моя.

Водный знак ее Уран
Перекроет скоро кран —
Тоже хочет стать монашкой,
Душу вылечить от ран.

А пока что — моветон —
Догорает мой Плутон,
Нам с Ураном не сравняться —
Больно брызгается он.

КАЗИНО

Это вам не сновидение —
Черно-белое кино.
Есть в Сургуте заведение
Под названьем «Казино»

Там проворные милашечки
Раздевают до утра,
Брюки, туфельки, рубашечки —
Развеселая игра.

Прокрути, крупье, рулеточку
На счастливый номерок,
За девчоночку-брюнеточку
Я поставлю на «зеро»,

За блондиночку — на «красное»,
За шатенку — на «очко».
«Дольче вита» — жизнь прекрасная,
И рискуется легко.

Мне подруга Калиострова
Подказала три числа,
И черемуха заморская
В моих мыслях зацвела.

Вынимаю грош-монеточку,
Ставлю медную на кон.
Раскрути, крупье, рулеточку,
Дай на счастье миллион!

Содержание

Из цикла «ПРОЛИВЫ»

Проливы	3
Поход	5
Синопское сражение	6
Мифотворчество	7

Из цикла «РОДИНА»

Маршрут	8
Иртыш	10
«Седой угрюмый Павлодар...»	11
Братья	13
Дожинки	14
Жемайтене	15

Из цикла «БЕЛАЯ ОРДА»

Аргамаки	16
Спасение аргамака	17
Акмолинск	19
Экибастуз	21
Акын	22
Песнь отвергнутого кипчака	23
Плач о будущем	25
Будни	26
«Ты подносишь кумыс...»	28

Из цикла «НОЧНОЙ ПАРАД»

Начало войны	29
Ночной падад	30
Единство. <i>Отрывок из поэмы «Потомки Гедимины»</i>	32
Утро стрелецкой казни	35
Мелодия шарманки	36
Юнкера	37
Походный барабан	39
Детские саночки	41

Кремлевский призрак	42
Танцы	44
Медвежата	45
Радуница	46

Из цикла «ПУШКИНИАНА»

Пушкин — в нас!	47
Ссылка на юг	48
Дуэль	49
Табор	51
«Я шаги сапог тяжелых...»	52

Из цикла «ТЕПЛО НЕБЕС»

Волейбол	53
Муза	54
Райские куши	55
Ивушка	56
Кормщик	57
«Ярился в камине огонь...»	58
Буровая	59
Два ангела	60
Совпадение	61
Казино	62

Центральная
городская
библиотека
г.Сургут

9000030857

Ешимов Георгий Карожанович

ОТКРЫТЫЕ ПРОЛИВЫ

Стихи

Редактор Л. Верин
Корректор В. Ананина
Технический редактор В. Сураев

Сдано в набор 26.06.2001 г.
Подписано в печать 07.07.2001 г.
Формат 60x84 1/16. Печать офсетная.
Объем 2 п.л. Тираж 250 экз.

Издатель — Независимое литературное агентство
«Московский Парнас»
(121069, М., Б. Никитская ул., дом 50/5, стр. 1, оф. 24.
Тел. 202-87-83)

Лицензия ЛР №066208 от 15 декабря 1998 г.

